

ПРОБЛЕМА АФРИКАНСКИХ ПАРТИЙ В БУРЖУАЗНОЙ АФРИКАНИСТИКЕ

А. Б. Летнев

Успехи африканских народов в борьбе против колониализма, завоевание независимости многими африканскими странами открыли новую эпоху в истории Африки. В полной мере это относится и к истории африканских политических партий. До завоевания независимости африканскими странами партии были только средоточием осознанных и стихийных антиимпериалистических устремлений масс. Главное в их деятельности заключалось тогда в том, чтобы поднять массы на борьбу с колониальным гнетом. Теперь положение коренным образом изменилось. Партии должны подтверждать правильность своих теоретических установок позитивными действиями. Свою основную задачу правящие партии видят сейчас в том, чтобы мобилизовать весь народ на активное и сознательное участие в создании нового общества. Иными словами, правящие партии становятся рычагами, с помощью которых осуществляется управление сложными общественными процессами.

Следует иметь в виду, что африканское общество слабо дифференцировано в классовом отношении, и значительную роль в его жизни до сих пор играют доклассовые факторы: расовый, этнический, кастовый. Кроме того, сами партии молоды, в большинстве случаев они еще не овладели методами эффективного руководства обществом: как правило, нынешние африканские партии — это массовые, слабо оформленные организационно антиимпериалистические движения, идейные основы которых расплывчаты и эклектичны. За редкими исключениями африканские партии, в особенности в странах Тропической Африки, еще далеки от выражения интересов определенного класса или классовой коалиции. Тем не менее в молодых государствах идет процесс классового и, соответственно, политического размежевания. Чем дальше заходят социально-экономические преобразования, тем явственнее оно проследживается. Одни классы и социальные группы пытаются покончить с отсталостью на путях обобществления средств производства и ликвидации эксплуатации человека человеком. Другие ориентируются на капиталистические формы хозяйствования, на буржуазные правовые и политические институты.

Исследование проблемы политических партий в Африке назрело по многим причинам. Прежде всего не вызывает сомнения ее актуальность с точки зрения теоретической. В независимых государствах к власти пришли новые социальные силы. Они выдвигают оригинальные концепции развития своих стран, обосновывая их теориями либо вовсе неизвестными, либо известными лишь узкому кругу специалистов. Программные документы партий представляют собой концентрированное выражение таких теорий. Без их внимательного изучения обойтись невозможно, причем не только с точки зрения исследования сегодняшней Африки. Аф-

риканская теоретическая мысль — часть общечеловеческой, и, взятая в этом ее качестве, она — бесспорный объект исследования.

Не меньшую, а может быть, и большую значимость приобретает политическая актуальность данной проблематики. Сфера конкретного политического руководства экономическими, социальными, культурными преобразованиями — важнейшая область жизни постколониального общества. На протяжении столетий народы Африки были лишены возможности участвовать не только в мировой политике, но и в определении судеб собственных стран. В наши дни новые государства быстро наверстывают это вынужденное отставание. Излишне говорить о том, что бурные политические процессы, происходящие на континенте, вызывают повышенное внимание западных буржуазных исследователей, которых привлекает прежде всего политическая актуальность темы. Отсюда — целый поток работ западных авторов, посвященных политическим проблемам освободившихся государств. Поскольку анализ теории и практики правящих и оппозиционных африканских партий приобретает ныне все большее практическое значение, буржуазные авторы все чаще посвящают этому предмету специальные работы.

Появление буржуазной монографической литературы, посвященной партиям Африки, совпало с образованием не самих партий, а суверенных государств. Несмотря на то, что в последние годы колониального режима политическая активность коренного населения резко возросла, буржуазные ученые еще не считали партии объектом самостоятельного исследования. В 50-е годы упоминание об африканских партиях можно встретить главным образом в политических периодических изданиях, в особенности в журналах, связанных с колониалистскими кругами (типа «New Commonwealth» в Англии и «France Outre-Mer» во Франции). В монографиях по отдельным странам Африки сведения о партиях встречаются не так уж часто. Что же касается общих работ, посвященных теории и истории политических партий, то в них имеются лишь глухие намеки на существование партий в Африке. В известном труде о политических партиях М. Дюверже африканские партии отнесены автором (вместе с партиями некоторых стран Азии и Латинской Америки) к числу «партий архаического и доисторического типа», которые являются либо группами кланов, объединившихся вокруг какой-нибудь влиятельной персоны, либо кланами, сложившимися вокруг какого-нибудь феодального семейства, либо камарильями, сколоченными каким-нибудь военным руководителем. Из всех африканских партий Дюверже упоминает лишь Сенегальскую федерацию СФИО и неафриканские партии ЮАР: националистическую, лейбористскую и некоторые другие¹.

Так было еще в начале 50-х годов. Тем более знаменателен призыв другого французского ученого и общественного деятеля, Л. Амона, который в конце 50-х годов выступил с развернутой программой серьезного изучения африканских политических партий. Он высказался за создание целого направления — социологии африканских политических партий — в рамках общесоциологического исследования современной Африки. Амон набросал тогда же возможные аспекты исследования проблемы, обосновав их (влияние на партии среды вообще, обычаев, степень влияния на партии трибализма, то есть племенной идеологии, профсоюзов, студенческих организаций, вождей, «групп давления»², внешних экономических интересов, местных торговых палат и т. д.)³. Резкий крен от почти полного игнорирования африканских партий в 50-х годах в сторону их пристального изучения произошел после 1960 г., «года Африки». В первой половине 60-х годов появляются монографи-

¹ M. Duverger. Les Partis Politiques. P. 1951, p. 19.

² О «группах давления» см. сноску 22.

³ L. Hamon. Introduction à l'étude des partis politiques de l'Afrique Française. «Revue juridique et politique d'Outre-Mer», P., 1959, № 2, pp. 189—192.

ческие исследования об африканских партиях. Английский африканист Т. Ходжкин издает книгу о партиях всей Африки (1961 г.); американская исследовательница Р. Шахтер-Моргентау — о партиях бывшей Французской Западной Африки; американцы Р. Скляр, А. Зольберг и Ф. Снайдер изучают партии Нигерии, Берега Слоновой Кости, Мали; австралиец П. Лоу — партии Уганды. В Англии и Франции выходят в свет первые политические справочники, посвященные партиям африканского континента⁴. Круг исследуемых вопросов обычно включает в себя: исторический очерк; формы участия партии в борьбе за независимость; влияние трибализма и регионализма; взаимоотношения партий с общественными организациями; экономическая платформа партий; место партии в политической системе (одно- или многопартийной). Проблема партий находит отражение и в африканской прессе, а также на страницах зарубежных научных изданий; для освещения этой темы все чаще привлекаются авторы из самой Африки⁵.

В обобщающих трудах западных авторов использованы, как правило, данные полевых исследований, документы государственных архивов, партийная печать, записи бесед с ветеранами политической борьбы. Реже привлекаются материалы партийных архивов, резолюции съездов, воззвания, листовки и т. д. При колониальном режиме у партий, в сущности, не было возможности создавать архивы. Тем интереснее наиболее богато документированные работы, в особенности сборники политических документов и статей, в которых достойное место отведено программам, манифестам партий, статьям и речам африканских лидеров. В качестве примера можно привести сборник, изданный в США Р. Эмерсоном и М. Килсоном, под названием «Политическое пробуждение Африки»⁶.

Буржуазные авторы монографических трудов придерживаются обычно двух методов. Либо они сосредоточивают свое внимание на изучении партий (или партии) одной или нескольких колоний (Р. Скляр, А. Зольберг, Р. Шахтер-Моргентау), либо издают тематические сборники по всему континенту, состоящие из исследований по отдельным странам. Примером второго рода могут служить две коллективные работы, вышедшие в США: «Африканские однопартийные государства» под редакцией Г. Картер и «Политические партии и национальная интеграция в Тропической Африке» под редакцией Дж. Коулмэна и К. Роузберга-младшего⁷.

В оценке африканских партий буржуазные исследователи придерживаются различных критериев. Наиболее дальновидные ученые пытаются отказаться от предвзятости, отрешиться от втискивания африканской действительности в рамки европейских и американских политических систем. «Мы должны,— пишет Т. Ходжкин,— стараться по-

⁴ T. Hodgkin. *African Political Parties*. L. 1961; R. Schachter-Morgenthau. *Political Parties in French-speaking West Africa*. Oxford. 1964; R. L. Sklar. *Nigerian Political Parties. Power in an Emergent African Nation*. Princeton. 1963; A. R. Zolberg. *One-Party Government in the Ivory Coast*. Princeton. 1964; F. G. Snyder. *One-Party Government in Mali. Transition toward Control*. New-Haven and London. 1965; P. A. Low. *Political Parties in Uganda. 1949—1962*. L. 1962; R. Segal. *Political Africa. A Who's Who of Personalities and Parties*. L. 1961; Ph. Desgaigne. *Tableau des partis politiques de l'Afrique au Sud du Sahara*. P. 1963.

⁵ На Втором Международном конгрессе африканистов, проходившем в декабре 1967 г. в Дакаре (Сенегал), развернулась оживленная дискуссия, связанная с проблемой африканских политических партий. Участие в ней значительного числа африканских делегатов свидетельствует о растущем интересе к этой проблеме в самих африканских странах.

⁶ «The Political Awakening of Africa». Ed. by R. Emerson and M. Kilson. N. Y. 1965.

⁷ «African One-Party States». Ed. by G. M. Carter. Ithaca. N. Y. 1962; «Political Parties and National Integration in Tropical Africa». Ed. by J. S. Coleman and C. G. Roseberg, Jr. Berkley and Los Angeles. 1966.

нять их (африканские партии.— А. Л.) такими, какие они есть, избегая любого негибкого применения категорий и схем, порожденных изучением политической истории и институтов Запада». С этим мнением полностью солидаризируется французский африканист Ф. Декрэн: «Применение к политическим партиям Африки наших собственных оценочных критериев было бы искусственным»⁸. К сожалению, у авторов подобных высказываний не так уж много единомышленников. В девяти случаях из десяти африканские партии подгоняются под западноевропейскую схему, что значительно снижает, несмотря на хорошую источниковедческую базу, научный уровень многих западных работ об африканских партиях. Дело, разумеется, не только и не столько в том, что на африканские партии некритически распространяют некоторые термины, почерпнутые из трудов видных западноевропейских и американских специалистов по политическим наукам. Корень ошибки глубже. Рассмотрим в этой связи взгляды буржуазных африканистов на происхождение и функции африканских партий.

«*Парламентская*» теория происхождения партий. Марксистско-ленинская концепция политических партий исходит из наличия определенных общественных классов, выразительницами интересов которых являются партии. Партия отстаивает интересы класса в целом, какой-то его части либо той или иной коалиции, объединяющей различные классовые силы. Следовательно, для марксиста история политической партии не может не быть историей определенного класса или социальной группы. Но, поскольку классы и социальные группы существуют отнюдь не изолированно, а участвуют в классовой борьбе, история политической партии неизбежно является одновременно и историей страны (но не тождественна ей). Политическая партия в буржуазном понимании — это прежде всего штаб-квартира по подготовке ближайших выборов (парламентских, президентских, муниципальных и т. д.). Отсюда совершенно иной подход буржуазных историков к предмету исследования. С их точки зрения, написать историю политической партии — значит подробно охарактеризовать, во-первых, этапы борьбы партии за мандаты в выборных учреждениях и, во-вторых, парламентскую деятельность ее депутатов в качестве либо правительственного большинства, либо оппозиции.

Ознакомление со многими работами буржуазных африканистов выявляет характерные детали. Буржуазные исследователи чаще всего пишут о партиях Западной Африки, и социальным предпосылкам возникновения партий они отводят в сравнении с другими аспектами проблемы слишком мало места. Как правило, они избегают обобщений в части, касающейся социальной базы партий, не говоря уже о классовой их сущности. Лишь одиночки идут в этом смысле против течения. Американский ученый негритянского происхождения М. Килсон в очерке истории националистических организаций и партий Западной Африки подробно останавливается на росте национальной буржуазии и рабочего класса в этом регионе. Он недвусмысленно связывает возникновение первых политических организаций — Национального конгресса Западной Африки, Национального совета Нигерии и Камеруна, Объединенного конвента Золотого Берега — с оформлением интересов национальной буржуазии. О росте «средних классов» как одной из предпосылок создания партий упоминает также Т. Ходжкин⁹. В большинстве работ мы находим, однако, иной смысловой акцент. Их авторы лишь одну десятую часть текста посвящают истории возник-

⁸ Т. Hodjkin. Op. cit., p. 17. Ph. Decraene. Op. cit., p. 3.

⁹ M. Kilson. The Rise of Nationalist Organizations and Parties in British West Africa. «Africa seen by American Negroes». P. 1958, pp. 35—69; T. Hodjkin. Op. cit., p. 166.

новения партий, исследованию их социальной базы, характеристике лидеров партии, зато девять десятых — подробнейшему описанию борьбы партий за мандаты в выборных учреждениях колониального периода (территориальных ассамблеях, законодательных советах и т. д.).

Случайна ли такая диспропорция? Нет, она вполне закономерна. Об этом свидетельствует исходная позиция многих исследователей. Уже в самом определении политической партии, которое дает, например, Дж. Коулмэн, в сущности, заложена основа программы исследования практической деятельности партий. По Коулмэну, политическая партия — это «организация, которая соревнуется с другими подобными ей организациями во время периодических выборов с тем, чтобы участвовать в деятельности официальных институтов и, следовательно, оказывать влияние и контролировать состав и политику правительства»¹⁰. Немецкий буржуазный историк и социолог Р. Михельс писал в середине 20-х годов в работе о политических партиях: «Основным полем деятельности партий является предвыборная агитация и агитация за вступление в ее ряды»¹¹. М. Дюверже тоже не мыслит партии вне парламентаризма: «Наступление эры всеобщего избирательного права и парламентской демократии породило политические партии... Вся их деятельность связана с выборами и парламентскими комбинациями и в силу этого носит нерегулярный характер...»¹².

Подчиняя этой общетеоретической установке исследование африканских партий, буржуазные ученые допускают серьезную ошибку. Разумеется, нельзя вообще отрывать парламентаризм от партий. Но нельзя и односторонне интерпретировать происхождение и деятельность партий в Африке, раздувая парламентский аспект их деятельности и отвлекаясь от прочих. К тому же тезис Коулмэна о том, что «политические партии и демократическое правление предполагают и обуславливают друг друга»¹³, будучи примененным к Африке, звучит по меньшей мере искусственно. Расистские режимы южной части континента кичатся своими «парламентскими» политическими партиями «белого» меньшинства. Там проводятся периодические выборы, одни партии в течение десятилетий оспаривают власть у других и т. д., то есть налицо все условия, изложенные в вышеприведенных дефинициях. Тем не менее в ЮАР и Родезии не может быть и речи о каком-либо демократическом правлении.

В свете изложенного становится ясно, почему буржуазные африканисты чаще пишут не о партиях как таковых, а о партийных системах и политических системах. Концепция буржуазного парламентаризма как незыблемой основы партий, отождествление партийной деятельности с предвыборной борьбой, парламентскими маневрами и комбинациями — все это в полном объеме переносится на африканскую почву. Отсюда и своеобразный «парламентский детерминизм»,

¹⁰ J. Coleman. The Emergence of African Political Parties (in: «Africa to-day». Ed. by C. G. Haines. Baltimore. 1955, p. 227). Давая в 1955 г. это определение, Дж. Коулмэн ссылался на Макса Вебера, в работах которого действительно имеются аналогичные определения сущности партий. См., например, M. Weber. Staatssoziologie. В. 1966, S. 53. Через девять лет Коулмэн (в соавторстве с К. Роузбергом) несколько уточнил свое определение: «Политические партии — это официальные ассоциации, созданные с открыто объявленной целью достижения и (или) сохранения либо самостоятельно, либо в коалиции или в ходе избирательной борьбы с другими аналогичными ассоциациями законного контроля над составом и политикой правительства существующего или будущего суверенного государства» («Political Parties and National Integration in Tropical Africa», p. 2).

¹¹ R. Michels. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig. 1925, S. 465.

¹² M. Duverger. Op. cit., pp. 17, 55.

¹³ J. Coleman. Op. cit., p. 225.

выхватывающий отдельные области континента. В Западной Африке выборные учреждения появились раньше, чем в Восточной. Следовательно, по мысли социологов Запада, этот регион в отличие от других вполне «созрел» для изучения местных партий.

Показателен тот факт, что бывшим хозяевам колоний удалось внушить некоторым африканским националистам мысль о незаконности рожденности партий, существующих вне парламента. В манифесте группы «Консьянс африкэн», созданной в 1956 г. конголезскими политическими деятелями в бывшей колонии Бельгийское Конго (ныне республика Конго со столицей в Киншасе), говорилось: «В условиях современной политической и административной структуры Конго появление политических партий ничем не оправдано, ибо у нас нет ни парламента, ни выборов»¹⁴. Ошибочность такой точки зрения очевидна. Если бы все африканские политики разделяли ее, то им пришлось бы признать недействительными все партии, существовавшие на континенте до конца второй мировой войны, ибо в тот период в Африке, за исключением Египта, Либерии, ЮАР и Южной Родезии, не было и подобия парламента. Равным образом ангольским и мозамбикским борцам за свободу пришлось бы повременить с оформлением своих партий до тех пор, пока Салазар не соизволит провести в Анголе и Мозамбике первые парламентские выборы! Попытки перенесения подобной концепции происхождения партий на африканскую почву приводят буржуазных исследователей к необоснованным выводам, содержание которых сводится к следующему: африканские партии — это прежде всего детище буржуазного парламентаризма, дарованного Африке Западом. Именно такова точка зрения Дж. Коулмана на формирование партий в Гане, Сьерра-Леоне, Нигерии, Того, Камеруне, Уганде, равно как и во французских колониях. Говоря о последних, он утверждает, например, что «расширение представительства и распространение избирательного права, будучи составной частью драматических реформ 1946 г., сыграло роль явного призыва к формированию партий». С этим тезисом перекликается оценка Л. Амона, который, говоря о бывших колониях Франции в Западной и Экваториальной Африке, писал: «Африканская политическая жизнь имеет парламентское происхождение. Не появление партии предшествовало появлению депутата, а появление депутата предшествовало появлению партии». И уж совершенно беспартийно звучит утверждение французского публициста А. Бланшэ: «Именно Франция дала Африке партию РДА»¹⁵.

Нельзя отрицать того, что появление в колониях зачатков буржуазного парламентаризма ускорило формирование африканских партий. Многочисленные конституционные конференции «круглого стола», учреждение так называемых законодательных советов в английских колониях, территориальных собраний и правительственных советов во французских колониях — все это явилось социальным катализатором, существенно ускорившим течение политических процессов в Африке¹⁶. Но одно дело — ускорить, другое — вызвать к жизни тот или иной процесс. Нынешние партии многих стран происходят от допартийных организаций (культурно-просветительских, студенческих, коопера-

¹⁴ «The Political Awakening of Africa», p. 102.

¹⁵ J. Coleman. Op. cit., p. 249; L. Namon. Op. cit., p. 154; A. Blanchet. L'itinéraire des partis africains depuis Bamako. P. 1958, p. 6. РДА (или ДОА — Демократическое объединение Африки) — первая массовая антиимпериалистическая организация во французских колониях в Африке, созданная в 1946 году.

¹⁶ О национально-освободительной борьбе в африканских колониях после второй мировой войны см.: «Новейшая история Африки». М. 1964; «Антиимпериалистическая революция в Африке». М. 1967.

тивных), возникновение которых не имело никакого отношения к парламентаризму. Между двумя мировыми войнами и особенно после второй мировой войны на африканском континенте произошли огромные общественные и экономические перемены, создавшие объективные условия для развития качественно новых форм антиимпериалистической борьбы. Именно тогда появились одновременно и легальная возможность объединения в политические партии и возможность отстаивания их требований с трибуны выборных учреждений¹⁷.

Проблема правильного соотношения партийных и парламентских институтов этим не исчерпывается. Буржуазные авторы ныне изображают внедрение элементов парламентаризма накануне получения африканскими странами независимости как некое благодеяние и проявление чувства ответственности со стороны ревнителей западной демократии. В действительности колонизаторы шли на конституционные уступки не по своей воле. Они были вынуждены делать это под напором освободительного движения в колониях и уступая сильному давлению демократических сил в самих метрополиях. То же можно сказать и относительно легализации африканских партий. Возникновением легальных массовых демократических партий Африка менее всего обязана капиталистам.

Сторонники «парламентской» концепции происхождения африканских партий обычно подчеркивают позитивное идейно-политическое влияние западного парламентаризма на появление этих партий. О негативной стороне вопроса они предпочитают умалчивать. Дело в том, что, помимо идейно-политического, существовало «влияние», облаченное в военно-бюрократическую форму. Тезис «Франция дала Африке партию РДА» плохо согласуется с известными фактами конца 40-х — начала 50-х годов. В октябре 1948 г. вице-председатель РДА, впоследствии видный политический деятель Сенегала Габриель д'Арбусье, от имени своей партии говорил о том, что создание территориальных секций было сопряжено с «огромными трудностями», которые заключались прежде всего в систематической обструкции колониалистов, напуганных ростом популярности РДА. Колониальные власти не ограничивались обструкцией. Когда стало ясно, что РДА вырастает в серьезную демократическую силу, они обрушили на партию репрессии, в результате которых 40 человек было убито, несколько сот ранено, а 4 тыс. партийных активистов арестовано (события на территории Берега Слоновой Кости в январе 1951 г.)¹⁸. Многие руководители РДА подвергались репрессиям. Так, основатель гвинейской территориальной секции Мадейра Кейта в бытность его генеральным секретарем секции девять раз привлекался к суду по различным политическим обвинениям, а известный политический деятель Верхней Вольты Уэззэн Кулибали привлекался колонизаторами к суду 42 раза! В тюрьмах или ссылках побывали такие лидеры партий, как Модибо Кейта (Мали), Джомо Кениата (Кения), Кваме Нкрума (Гана), Хабиб Бургиба (Тунис), Кеннет Каунда (Замбия) и многие другие.

В борьбе с инакомыслящими колониальные администраторы применяли различные методы. Например, в английских колониях каждый государственный служащий, вступивший в партию, ставил тем самым

¹⁷ Нельзя не отметить и других последствий распространения этого пока еще куце буржуазного парламентаризма на колонии. Главные из них: появление касты беспринципных политиканов и карьеристов, быстро научившихся использовать выборы в престижных целях или для личного обогащения; губительное соперничество многочисленных политических группировок; углубление противоречий этнического и регионалистского характера; усиление коррупции.

¹⁸ «Le Rassemblement Démocratique Africain dans la lutte antiimpérialiste» P. 1948, p. 52; «La lutte du Parti Communiste Français contre le colonialisme» P. 1962, p. 90.

под вопрос свою «благонадежность» в глазах европейских чиновников и не мог более рассчитывать на службу в государственных учреждениях, не говоря уже о продвижении по служебной лестнице. Во французских колониях царил судебный произвол в отношении служащих колониальной администрации, посмевших заниматься политической деятельностью. Публичная антиколониальная агитация каралась тюремным заключением сроком от трех месяцев до одного года и штрафом от 100 до 3 тыс. франков. Если же обвиняемый был служащим, то наказание усиливалось вдвое, да еще усугублялось запретом служить в государственных учреждениях сроком от 5 до 10 лет¹⁹. Таким образом, колонизаторы старались нанести самый сильный удар именно людям умственного труда, то есть политически наиболее активной части африканского общества, той его прослойке, которая чаще всего служила ферментом при образовании партий. Излюбленный прием администрации состоял также в том, чтобы обвинить африканских партийных активистов в «незаконном» сборе партийных взносов, в мошенничестве или в лучшем случае в нарушении финансовой дисциплины. Пользовавшиеся правом финансового контроля власти часто обвиняли партийные организации в неправильном составлении финансовых документов и на этом основании отказывали прогрессивным партиям в официальной регистрации, то есть считали противозаконными. Во время выборов власти предоставляли транспорт в распоряжение своих ставленников, но начисто лишали его своих противников.

Так было во всем. Вышеизложенное дает возможность понять сущность выведения африканских партий из европейской буржуазной парламентской традиции. «Парламентская» концепция происхождения африканских партий — составная часть более общей теории «добровольного ухода из колоний». Она включает в себе идеологический заряд большой силы, который нацелен не столько в прошлое, сколько в будущее. Вот его смысл: партии обязаны своим происхождением именно буржуазной демократии. Впредь залогом их успешной деятельности может быть следование принципам буржуазной же демократии. Препарированную историю, таким образом, превращают в один из аргументов в пользу выбора Африкой капитализма.

О классификации партий. В специальной литературе, посвященной партиям Африки, встречаются попытки дать их классификацию. Согласно Т. Ходжкину, делить африканские партии можно, исходя из: 1. Территориальных масштабов их деятельности (на межтерриториальные, территориальные, регионально-этнические и «карликовые» партии); 2. Структуры (на массовые партии и партии избранных); 3. Степени легальности. Наибольшее значение, по мнению Ходжкина, имеет различие между массовыми партиями и партиями избранных (или партиями элиты)²⁰. С ним солидарна Р. Шахтер-Моргентау, которая выводит из этого основного, по ее мнению, различия все остальные, связанные с членством, организационной структурой, методами работы, финансовой стороной и т. д. Это дает ей основание отнести к типу массовых партий и Демократическую партию Берега Слоновой Кости, и Демократическую партию Гвинеи, и Суданский союз Мали, и Прогрессивный союз Сенегала²¹.

¹⁹ J. Suret-Canale. Afrique Noire. L'Ere coloniale. 1900—1945. P. 1964, p. 563.

²⁰ T. Hodgkin. Op. cit., p. 166. Т. Ходжкин и другие африканисты заимствуют эту терминологию у М. Дюверже. Партиями избранных (или кадровыми партиями) Дюверже считает буржуазные партии Запада, например, партию французских радикалов, республиканскую и демократическую партии США и др. В качестве примера массовой партии он приводит, в частности, французскую партию СФИО. См. M. Duverger. Op. cit., pp. 84—85, 90.

²¹ R. Schachter-Morgenthau. Op. cit., p. 337 (речь идет о периоде до завоевания независимости).

Неправомерно выдвигать в качестве объективной основы для классификации партий критерии, названные Ходжкиным и Моргентау. Все они имеют вторичный характер. Первичной же основой любого водораздела между политическими течениями и партиями может служить, как подчеркивалось выше, только различие классовых интересов, идет ли речь о существующих или о формирующихся классах. Объединять же под рубрикой массовых партий разнородные политические формирования принципиально неверно. До завоевания независимости такая нивелировка в какой-то мере объяснялась общностью антиимпериалистических целей различных отрядов освободительного движения. Но через 8—10 лет после освобождения идейное и политическое размежевание партий, стоящих у власти в Сенегале и Гвинее, Мали и Береге Слоновой Кости, обозначилось достаточно четко.

Не ограничиваясь классификацией собственно партий, зарубежные авторы пытаются наметить контуры более широких политических систем и одновременно определить место партий в этих системах. Так, Дж. Коулмэн обосновывает выделение трехчленной системы «группы давления»²², националистические движения, политические партии. Первые, считает он, стараются лишь влиять на правительство, но не ставят своей целью контролировать его. Цель вторых — достижение самоуправления (независимости), что неизбежно связано с необходимостью установления именно контроля над правительством. Третьи тоже стремятся повлиять на правительство и установить над ним свой контроль. Но в отличие от первых и вторых они делают это путем периодического участия в выборах. Коулмэн завершает свою конструкцию такой схемой: «группы давления» эволюционируют в националистические движения, а последние — в политические партии²³. Нетрудно заметить, что трехчленная система понадобилась ее автору для того, чтобы лишний раз подчеркнуть полнотность, завершенность и соответствие общепринятым (с точки зрения буржуазного правопорядка) нормам третьего и последнего компонента — «парламентских» политических партий.

Т. Ходжкин частично воспроизводит классификацию Дж. Коулмэна, в том числе ее уязвимые моменты. Английский африканист также выдвигает трехчленную конструкцию (конгресс — партия — революционный фронт)²⁴. Его «конгресс» соответствует «националистическому движению» Коулмэна. Примерно в тех же выражениях, что и американский автор, Ходжкин дает свое определение партии. Схема Ходжкина выгодно отличается от схемы Коулмэна тем, что в ней отсутствуют «группы давления» (привлечение которых вообще представляется искусственным). Зато в ней присутствует новый элемент — «революционный фронт». Ходжкин первым среди буржуазных африканистов Запада подошел к систематизации африканских партий с учетом фактов африканской действительности. В его построениях нашлось место и для «революционного фронта», то есть политической организации, действующей явно «неконституционными» методами и в условиях революционной ситуации (в работе Ходжкина имеется ссылка на Фронт национального освобождения Алжира начала 60-х годов). Этот факт сам по себе — свидетельство отхода некоторых буржуазных

²² К числу «групп давления» Дж. Коулмэн в соответствии с принятой в западной социологии точкой зрения относит ранние, допартийные формы политической организации (кооперативы, объединения фермеров и торговцев, общинные союзы). Равным образом он включает в число «групп давления» торговые палаты, ассоциации предпринимателей, союзы европейских колонистов. Надо сказать, что в последнем случае термин вполне соответствует сущности объединений.

²³ J. Coleman. Op. cit., pp. 226—227.

²⁴ T. Hodgkin. Op. cit., p. 51.

ученых от укоренившихся представлений о каком-то «незаконно-рожденном» характере политических формирований, не имеющих своих депутатов в парламенте.

Однопартийность и ее критики. Появление в Африке однопартийных режимов оставило в специальной литературе глубокий след. С одной стороны, резко повысился интерес исследователей к партийной проблематике вообще. С другой стороны, в подходе к ней наметился определенный качественный сдвиг. Раньше исследование партий имело подчиненное значение. Оно велось в рамках изучения национально-освободительного движения в целом. Отныне западные авторы сочли проблему однопартийности (многопартийности) объектом самого серьезного самостоятельного исследования. Теперь в отличие от 50-х годов материал о партиях излагается таким образом, что проблема соотношения однопартийности и многопартийности в большинстве случаев служит основным стержнем, а остальной материал носит чуть ли не вспомогательный характер.

Крутой поворот в зарубежной африканистике обусловлен вескими причинами. Идеологов империализма крайне обеспокоил факт отказа большинства африканских лидеров от слепого копирования западной модели демократии. Долгое время на Западе были уверены в том, что освободившиеся колонии не преминут повторить путь метрополий с их парламентской многопартийной традицией. Буржуазные и правосоциалистические теоретики отвели Африке роль лаборатории, где можно беспрепятственно ставить социальные эксперименты, угодные капиталистическому миру. Но думать так означало пренебречь мнением самой Африки, мнением, которое к тому времени уже стало достоянием мировой общественности. В частности, известно, что на Втором (Римском) конгрессе деятелей африканской культуры (1959 г.) действовала комиссия по политическим вопросам. Обращает на себя внимание перечень некоторых проблем, уже тогда обсуждавшихся в Риме выдающимися представителями африканской интеллигенции: традиционная концепция демократии в Африке; отправление демократии и политическая жизнь при колониальном режиме; новые формы демократии в Африке и в странах с населением африканского происхождения, исходящие из учета традиционных концепций и мировой политической практики; вклад Африки в политическую мысль путем борьбы за торжество такой демократии²⁵.

Недооценка закономерного интереса африканцев к собственному прошлому, а также к изучению мирового (а не только западноевропейского) политического опыта не могла не привести западных стратегов к крупным просчетам. Первые же годы независимости повергли многих идеологов и политиков капиталистического мира в состояние шока. В большинстве бывших колоний наметилась тенденция к однопартийности. Многие африканские руководители выдвинули теоретические аргументы в пользу правомерности существования одной партии (президент Танзании Джулиус Ньерере, президент Гвинеи Секу Туре, президент Берега Слоновой Кости Феликс Уфуэ-Буаньи, малийский министр Мадейра Кейта и другие). Не вдаваясь в сущность их аргументации, разной у различных авторов, отметим пока ее оборонительный характер. В самом деле, не успели еще африканские сторонники однопартийности четко сформулировать свою позицию, как им пришлось защищаться против резкой и единодушной на первых порах критики противников. Западные буржуазные авторы, а также их сторонники в самой Африке избрали однопартийность своей постоянной мишенью.

²⁵ См. «Présence Africaine», P., 1959, № 24—25, p. 20.

Исходя из своих собственных критериев демократии, буржуазные африканисты, в сущности, отлучают от демократии даже симпатизирующие Западу однопартийные режимы. Так, по мнению А. Зольберга, Берег Слоновой Кости — всего лишь «модернизирующаяся олигархия»²⁶. Если столь суровый тон выдерживался в отношении стран, ориентирующихся на Запад, то нетрудно представить, какими эпитетами награждали буржуазные исследователи прогрессивные однопартийные режимы.

Есть убежденные сторонники западного плюрализма и противники однопартийности и среди африканцев. В качестве примера рассмотрим аргументацию анонимного африканского автора, выступившего против тезисов Дж. Ньерере о целесообразности однопартийности в условиях сегодняшней Африки²⁷. Отвечая Ньерере, анонимный автор резко критикует не только его, но и других известных теоретиков однопартийности (Секу Туре, Мадейра Кейта и других). По его мнению, довод в пользу однопартийности как инструмента эффективного решения социально-экономических задач играет роль отвлекающего маневра. Достаточно стране иметь неподкупный государственный аппарат и сильное правительство, чтобы быстро решить задачи экономического и социального развития. Безымянный «западноафриканский ученый» старается всесторонне аргументировать свою точку зрения, которая, в сущности, ничем не отличается от буржуазной или социал-реформистской. Он стремится дискредитировать революционных теоретиков однопартийности, проводя более чем сомнительные параллели. Так, граждан однопартийного государства, социалистов по убеждению, он уподобляет свободным гражданам древних Афин, а несоциалистов — рабам.

Еще более тенденциозный характер носит другая аналогия: на место «социалистов» подставляется европейское население Южной Африки, на место «несоциалистов» — неевропейское. В целях охаивания идей однопартийности используется, таким образом, даже расистский южноафриканский режим.

В поисках убедительности анонимный критик однопартийности пытается подвести под свои построения теоретическую базу. Он обращается к авторитету упоминавшегося выше немецкого идеолога Р. Михельса и пытается доказать, что внутрипартийная демократия, в частности внутрипартийная критика, в условиях однопартийной системы практически неосуществима. Правде был Р. Михельс, еще полвека назад открывший социологический «железный закон олигархии», который неизбежно действует во всех современных массовых организациях и который еще никем не был опровергнут. В книге Р. Михельса «Социология политической партии в условиях современной демократии», вышедшей в 1911 г., действительно имеется раздел, озаглавленный «Демократия и железный закон олигархии». Раскрывая суть этого закона, Михельс писал: «Демократии присущи врожденная склонность к авторитарному решению важных вопросов. В то же время она обуреваема жаждой блеска и власти... Появление олигархий в недрах различных форм демократии органично, то есть этой тенденции неизбежно подвержена любая организация, в том числе и социалистическая и, больше того, даже анархистская. Следовательно, партия

²⁶ А. Zolberg. Op. cit., p. 337.

²⁷ Статья Дж. Ньерере «Наше однопартийное государство» и ответ его оппонента, некоего «западноафриканского ученого», неоднократно воспроизводились в западной прессе, в частности в Англии (см. «Socialist Commentary», L., April 1964; «Socialist International Information», L. February 15, 1966, vol. XIV, № 4). Изложение статьи анонимного оппонента дается по «Socialist Commentary», L., April 1964, pp. 19—21.

любого типа представляет собой имеющую демократическое основание могущественную олигархию»²⁸.

Отметим любопытный факт отступления африканского автора, стоящего на буржуазных позициях, от теории «африканской исключительности», весьма распространенной сейчас на континенте. Когда сторонникам этой теории не хватает аргументов, они готовы в подкрепление своей позиции признать действие общесоциологических законов и на своем континенте. Но главный вопрос состоит в том, заслуживает ли вообще тезис Р. Михельса названия закона, тем более закона общемирового. Дело в том, что эпитет «железный» не придает формулировке убедительности. В своей работе Михельс опирался на фактический материал, относящийся к буржуазным и социал-демократическим партиям Западной Европы. Как ученый, он испытал на себе влияние идей итальянских буржуазных социологов В. Парето и Г. Моска. Школа, к которой принадлежат Парето и Моска, ставит во главу угла теорию «элиты», то есть активного привилегированного правящего меньшинства. В формулировке «железного закона олигархии» говорится о том, что олигархическая болезнь неизбежно разъедает любую организацию и партию. В действительности Михельс показал, и вполне убедительно, симптомы серьезного кризиса буржуазной демократии, равно как и обуржуазившейся социал-демократии кануна первой мировой войны. Наблюдения Михельса строго локализованы и имеют исторически преходящее значение. Его основной, серьезно аргументированный тезис о росте олигархических тенденций в условиях буржуазной демократии помогает, например, проследить исторические корни фашизма, прежде всего германского и итальянского. Но претензии автора на некую генерализацию своих наблюдений, на возведение их в ранг общесоциологического закона, да еще действующего с железной неизбежностью, лишены основания²⁹. А раз «закон» Михельса отнюдь не универсален, то должна быть ясной вся беспочвенность его распространения на нынешнюю Африку с тем, чтобы лишний раз подкрепить предвзятый тезис о вредоносном характере однопартийности.

Помимо рассмотренной выше тенденции, без обиняков объявляющей однопартийные режимы антиподом демократии, имеются другие точки зрения. Некоторые буржуазные ученые и публицисты Запада подходят к этому вопросу более трезво или, во всяком случае, с большей осторожностью, что обусловлено скорее политическими причинами. Западу следует отказаться от слишком грубого навязывания своей многопартийной модели освободившимся странам — таков лейтмотив высказываний представителей этого направления. «Должна ли Африка, — пишет последний губернатор Уганды У. Куттс, — целиком заимствовать для своих конституций систему, которую мы терпеливо разрабатывали для самих себя? С какой стати? Мы бы первые отказались принять систему правления и образ жизни, импортированные в нашу страну другой расой»³⁰. С призывом учитывать реальные факты, не укладывающиеся в привычные схемы, обращаются Дж. Коулмэн и К. Роузберг-младший: «Наша цель — не оправдывать, а объяснять тенденцию к однопартийности; ведь факт налицо, что в период, не-

²⁸ R. Michels. Op. cit., S. 483, 504.

²⁹ В марксистской литературе Михельс не раз подвергался серьезной критике. В. И. Ленин отмечал поверхностность его сочинений, услужничество автора перед буржуазией, его псевдонаучный объективизм (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 14). Ограниченность и упрощенчество Михельса как исследователя партий критиковал в свое время Антонио Грамши (см. Антонио Грамши. Избранные произведения в трех томах. Том III. М. 1959, стр. 137—138).

³⁰ W. Coultts. A New Democracy or a New Totalitarianism in Africa? «Kenya Weekly News», Nakuru, May 22, 1964, p. 26.

посредственно следующий за колониальным, во многих африканских странах доминирующая партия кажется национальным институтом, наиболее приспособленным для выполнения множества политических функций»³¹.

Существуют различные варианты объяснения тенденции к однопартийности в сегодняшней Африке. Некоторые авторы используют при этом этнографический материал. Так, американские ученые Л. Грэй-Коуэн и Р. Грэй (первый на примере Западной Африки, второй на примере всей Африки) выводят отсутствие легальной оппозиции в нынешних государствах из особенностей общественного строя их народов. По Л. Грэй-Коуэну, если оппозиционные группы и возникали в рамках традиционной политической организации древних племен, то лишь спорадически, в связи с конкретными вопросами (избрание вождя и т. д.). Когда же вопрос так или иначе решался, оппозиционные группы автоматически самораспускались, и снова среди соплеменников господствовало полное единство взглядов³². Р. Грэй, со своей стороны, прибегает к своеобразному доказательству от противного. Если допустить предположение, что зачаточные формы политической оппозиции существовали в недрах родоплеменной организации, то раскол на большинство и меньшинство должен был найти какое-то отражение либо в письменных, либо в нарративных источниках. Однако, сообщает автор, он «нигде не читал и не слышал о традиционных африканских политических системах, в рамках которых политические решения принимались бы голосованием»³³. Итак, не было голосования, не было разногласий, не было большинства и меньшинства, зато, оказывается, были единодушие и терпимость.

Другого автора, Д. Флетчер-Кука, бывшего заместителя губернатора Танганьики, поиски истоков африканской однопартийности заводят в весьма далекую от реальной действительности, абстрактную сферу формальной логики. Согласно Флетчер-Куку, различия между западной и африканской концепциями партий восходят, в частности, к особенностям мышления людей белой и негроидной рас. Жители Запада унаследовали от древних греков и римлян такой способ постижения истины, который заключается в выдвижении определенного тезиса, достоверность которого подвергается сомнению путем выдвижения анти-тезиса. Усматривая в этом генетическую основу двухпартийных систем западного типа, автор тут же оговаривается, что в Африке южнее Сахары поиски истины ведутся совершенно иным путем, а именно путем выработки единого мнения, достижения обязательного единодушия вначале среди односельчан, а затем и на более высоком уровне³⁴.

Прежде чем давать подобного рода доводам оценку по существу, отметим их сугубо абстрактный, спекулятивный характер. Механическое выведение сегодняшних сложных политических событий, обусловленных множеством внутренних и внешних факторов, из древней традиции не может способствовать объективности, а следовательно, и плодотворности анализа. В частности, теория исконного и повсеместного единодушия, выдвигаемая в качестве первоосновы нынешней однопартийности, выглядит крайне неубедительно. Она не объясняет ни одновременного существования в течение ряда лет нескольких партий во многих странах Африки, ни внутрипартийной борьбы, приводящей к расколу единственную правящую партию. Что же касается вы-

³¹ «Political Parties and National Integration in Tropical Africa», pp. 656—657.

³² L. Gray Cowen. Guinea. «African One-Party States», p. 225.

³³ R. Grey. Political Parties in New African Nations. an Anthropological View. «Comparative Studies in Sociology and History». The Hague. 1963. Vol. V, № 4, pp. 450, 451, 461.

³⁴ J. Fletcher-Cooke. Has the Westminster Model Failed in Africa? «Commonwealth Journal», L 1964, Vol. VII, № 3, pp. 107—108.

ведения политического единодушия из особенностей мыслительного процесса представителей негроидной расы (Флетчер-Кук), то это показательно в двух отношениях. Такое объяснение еще раз убеждает, что буржуазные авторы используют любую возможность для спекуляции на гипертрофированной, односторонне понимаемой африканской самобытности. Оно свидетельствует также о потере чувства меры теми, кто в середине XX в. открывает некую своеобразную «логику наоборот», издревле якобы свойственную африканскому интеллекту в отличие от интеллекта европейского.

Приведенные выше доводы продиктованы не столько стремлением выяснить подлинные корни однопартийности, сколько необходимостью положить конец практике бесцеремонного одергивания руководителей однопартийных государств, которая может лишь отдалить новую Африку от капиталистических стран. Люди, выдвигающие такие доводы, принадлежат к числу более гибких политиков, чем твердолобые ревнители политического плюрализма. Но и сторонники более гибкого подхода лелеют мысль о том, что рано или поздно Африка все равно придет к торжеству многопартийности; однопартийная же модель, которой сегодня отдается чрезмерная дань, будет наверняка предана забвению как одно из увлечений, так сказать, бурной политической молодости. В возможности эволюции однопартийной системы в многопартийную убеждены Дж. Коулмэн и К. Роузберг, У. Кутце и французский социалист Д. Мейер³⁵.

Показателен интерес западных буржуазных авторов к тем африканским теоретикам, позиция которых может быть истолкована как промежуточная. Например, сенегальские руководители выдвинули концепцию «доминирующей партии» и активно популяризировали ее в 1960—1966 годах. В частности, ее подробно обосновал в своих работах Габриель д'Арбусье. Д'Арбусье выступает против трактовки партии как политической организации, обязательно имеющей прочную идеологическую базу и выражающей интересы определенного класса. По его мнению, Африке нужны не партии, руководящие обществом от имени того или иного класса, а партии доминирующие. Под доминирующей партией он понимает массовую партию, которая господствует лишь над прочими партиями, но не над политическими институтами страны, зафиксированными в конституции³⁶. Схема д'Арбусье предполагает, таким образом, сохранение других партий. Но всем прочим партиям автор заранее отводит роль подчиненных (доминируемых) организаций. Таким образом, у марксистов автор заимствует мысль об авангардной партии классового типа, а затем превращает эту партию в некую общедоступную, идеологически аморфную и политически якобы более терпимую организацию. Отсюда выводится ее будто бы более демократический (в сравнении с марксистскими правящими партиями) характер. Концепция «доминирующей партии» не что иное как попытка синтезировать некоторые стороны буржуазной и социалистической демократии. В ней отчетливо прослеживаются упорные поиски африканскими мелкобуржуазными идеологами так называемого третьего пути. Понятен поэтому интерес на Западе к концепции «доминирующей партии». Л. Амона эта концепция заинтересовала постольку, поскольку, по его мысли, она позволяет установить, в какой мере Африка сможет создать доминирующие, эффективно действующие партии, избежав создания

³⁵ «Political Parties and National Integration in Tropical Africa», pp. 672, 676; «A New Democracy or a New Totalitarianism in Africa?», p. 26; «Développement et Socialisme. Colloque sur les politiques de développement et les diverses voies africaines vers le socialisme. Dakar. 3—8 Décembre 1962», P. 1963, pp. 297—298.

³⁶ См. G. d'Arboussier. L'Afrique vers l'unité. Issy (Seine), 1961, pp. 91, 96—97; e. j. u. d. Le fondement africain du socialisme africain, «Voies africaines du socialisme». Léopoldville (s. a.), pp. 45—46.

партий «монолитных». Французский публицист Э. Мильсан с удовлетворением пишет: «...Сенегальская концепция «доминирующей партии» отмечена реальной заботой о демократических порядках обсуждения вопросов; таким образом, она ближе к западной, чем к марксистской концепции»³⁷.

Сглаживание углов, смягчение критики однопартийных режимов западными авторами свидетельствуют об определенной гибкости империалистических идеологов. В конце 50-х и в начале 60-х годов они отнюдь не стеснялись в выражениях и автоматически объявляли любую тенденцию к однопартийности тоталитарной. Ныне взят осторожный тон. Он продиктован, с одной стороны, более критической оценкой политики Запада в Африке, а с другой — нежеланием портить отношения как с африканскими революционерами, так и просто с националистами, поскольку и те и другие отказываются по разным причинам от многопартийности. В сборнике, подготовленном Коулмэном и Роузбергом, мы находим группу стран типа Ганы (до февраля 1966 г.), Мали, Гвинеи, которые составители осторожно относят к числу «революционно-централистских». Убежденный сторонник демократии западного типа, представитель наиболее реакционного крыла западногерманской социал-демократии К. Шмид об африканских партиях говорит крайне уклончиво, демонстративно заявляя об своей некомпетентности в вопросах африканской «партийной арифметики». Более определенно высказывается африканистка из США Г. Картер. Во введении к своему сборнику она пишет о том, что, поскольку во многих развивающихся демократических государствах имеется единственная (или доминирующая) партия, настало время хотя бы частично пересмотреть точку зрения, согласно которой однопартийность равнозначна тоталитарной диктатуре³⁸.

Творческий марксизм-ленинизм не допускает никакого догматизма в подходе к партийным системам тех или иных государств, в том числе развивающихся. В этом вопросе не может быть какой-то единой «оптимальной» количественной модели, за которую марксисты выступали бы в любой стране, при любых обстоятельствах, на любом отрезке исторического развития. Выбор в пользу той или иной партийной системы диктуется взаимодействием множества факторов, в первую очередь особенностями соотношения классовых сил внутри страны. Идеи и политические противники обычно представляют коммунистов как безусловных приверженцев единственной партии, как людей, нетерпимых по отношению к другим партиям и т. п. При этом обходятся молчанием некоторые факты, полностью опровергающие подобные построения. Так, в России коммунисты отнюдь не исключали возможности блокирования с партиями эсеров и меньшевиков накануне Великой Октябрьской социалистической революции. До марта 1918 г. существовал блок большевиков с «левыми» эсерами, представители которых входили и в состав верховного органа государственной власти и в состав Советского правительства (семь из восемнадцати постов). Не нетерпимость большевиков, а вероломство их партнеров, организовавших в июле 1918 г. контрреволюционный мятеж против Советской власти, привело партию «левых» эсеров к краху. Логическим следствием политического банкротства мелкобуржуазных партий явилось утверждение в Советской России такого политического строя, который характеризуется наличием единственной правящей партии.

Иначе обстояло дело после 1945 г. в отдельных странах Восточной Европы и Азии, где не было такого накала классовой борьбы, как

³⁷ «Développement et Socialisme», p. 153; E. Milcent. Senegal. «African One-Party States», p. 124.

³⁸ «Political Parties and National Integration in Tropical Africa», p. 671; «Développement et Socialisme», p. 329; «African One-Party States», p. 2.

в России в период революции и гражданской войны, и где не было империалистической интервенции. В странах народной демократии реакционная буржуазия была вынуждена капитулировать, а социалистические силы, возглавляемые коммунистами, вскоре после разгрома гитлеровской коалиции, опираясь на прямую военно-политическую поддержку Советского Союза, одержали верх без гражданской войны. Гарантом социалистического строя в каждой из этих стран выступает ныне все социалистическое содружество. В таких странах, как Польша, ГДР, Чехословакия, Болгария, ДРВ, КНДР, помимо коммунистических партий, в рамках Народного фронта действуют иные партии, выражающие интересы непролетарских классов и социальных групп. Мировой опыт борьбы за социалистическую демократию используют и коммунисты капиталистических государств. Учитывая конкретную обстановку в своих странах (развитость буржуазно-демократических традиций, влияние в массах социал-демократов и католиков, наличие реальной платформы для совместной борьбы против общего врага — капиталистических монополий и т. д.), они выдвигают и решительно проводят в жизнь лозунг единства действий различных отрядов пролетариата. Компартии некоторых стран (например, Англии, Италии, Франции, Австралии, Люксембурга, Финляндии, Швейцарии, Испании) допускают ныне возможность перехода к социализму при наличии наряду с коммунистической и союзных с ней партий также и оппозиционных демократических партий. Тенденцию к однопартийности марксисты не считают, таким образом, проявлением какой-то универсальной закономерности. Естественно, что и к однопартийным системам, сложившимся в Африке, они подходят с тех же методологических позиций.

Марксистские исследователи африканских партий (Ш. Ходак, Д. Уоддис, И. Кокс, Б. Пела и другие) едины в том, что касается природы однопартийности как таковой. Однопартийность появляется не по мановению волшебной палочки. Она рождается в борьбе с тенденциями, действующими в противоположном направлении. Называя последние (рост социальных или классовых противоречий; противоречия этнического характера; соперничество видных политических деятелей; политическое влияние Запада), Ш. Ходак справедливо отмечает, что тем не менее тенденция к однопартийности становится преобладающей³⁹. Причины этого явления ясны: в обществе, не успевшем расколоться на антагонистические классы, имеются объективные предпосылки для решения антиимпериалистических задач в рамках широкой политической организации. «Хотя многие массовые партии в Африке находятся под буржуазным руководством,— пишет Б. Пела,— они не являются типичными «капиталистическими» партиями в том смысле, как это обычно понимается в отношении таких партий в Европе и Северной Америке. Помимо отражения интересов определенных кругов местных капиталистов, африканские массовые партии выражают также интересы рабочих, крестьян и интеллигенции в общей борьбе всех этих классов против их общего врага — империализма... Если взглянуть на однопартийную форму правления под этим углом зрения, то оно может быть оправдано как соответствующее интересам народа»⁴⁰. Ту же мысль подчеркивает И. Кокс: «Тем, чья концепция демократии сводится к капиталистическому образцу, однопартийные системы в Африке могут причинить беспокойство. Но появление однопартийной системы вряд ли можно считать неожиданным в свете исторических традиций

³⁹ S. Chodak. The Societal Functions of Party Systems in Sub-Saharan Africa. «Cleavages, Ideologies and Party Systems. Contributions to Comparative Political Sociology». Helsinki. Transactions of the Westmark Society. 1964, p. 262.

⁴⁰ B. Pella. The One-Party State in the Struggle for Democracy and Socialism in Africa. «African Communist», 1963, vol. II, № 3, p. 44 (автор неточно называет классом и интеллигенцию).

Африки и характерного для нее совершенно иного соотношения классовых сил. Однопартийная система направлена на то, чтобы мобилизовать и сплотить все антиимпериалистические силы, которые стремятся преобразовать отсталую экономику и заложить основу новой, лучшей жизни»⁴¹.

Говоря об оправданности однопартийной системы, марксисты вовсе не выступают сторонниками ее повсеместной целесообразности. Они отдают себе отчет в том, что, помимо прогрессивных однопартийных режимов, в Африке существуют и режимы реакционные. В первом случае имеет место широкая коалиция демократических, патриотических сил, объединенная единой антиимпериалистической целью. Политическим выражением такой коалиции и служит единственная правящая партия. Во втором случае лозунг национального единения и единой партии используется в демагогических целях, а так называемая единая партия все более превращается в орудие диктатуры местной реакционной буржуазии.

Даже прогрессивная в целом однопартийная система сама по себе не может служить гарантией подлинного расцвета демократии и перехода развивающейся страны на высшую по сравнению с колониальным периодом ступень общественного развития. Здесь исключается всякий автоматизм. Подлинное и всестороннее прогрессивное развитие в рамках однопартийной системы может быть обеспечено лишь при соблюдении ряда важных условий. С одной стороны, это — постоянное политическое воспитание масс партией, культивирование в массах прогрессивного национального самосознания, укрепление руководящей роли партии в государстве; с другой — последовательная защита партией интересов масс, доверие массам, опора на массы, постоянное совершенствование демократических институтов, развертывание внутрипартийной демократии, критики и самокритики. В условиях сегодняшней Африки такую политику по отношению к народу своей страны может проводить только партия, которая способна все больше прибегать к теории и практике научного социализма и именно на этой основе руководить государством⁴². И наоборот, партия, игнорирующая эти условия или действующая в верном направлении, но слишком медленно и непоследовательно, рискует потерять революционную перспективу, лишиться поддержки масс и в конечном счете быть вытесненной с политической сцены.

Шесть партий Африки, стоящих у власти, провозгласили социалистическую ориентацию своих стран. Выбор партий, возглавляющих борьбу за прогрессивные преобразования в Алжире, ОАР, Мали, Гвинее, Конго (Браззавиль), Танзании, продиктован вескими причинами. С социализмом народы освободившихся стран справедливо связывают свои надежды на быстрейшую ликвидацию вековой экономической отсталости, установление социальной справедливости, прогресс науки и расцвет культуры. Поэтому есть все основания полагать, что группа развивающихся стран, взявшая курс на социализм, будет пополняться и впредь.

⁴¹ I. C. o. x. *Socialist Ideas in Africa*. L. 1966, p. 113.

⁴² См. об этом подробнее: Р. Ульяновский. Некоторые вопросы некапиталистического развития освободившихся стран. «Коммунист», 1966, № 1, стр. 109—119.